

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

В БИОГРАФИИ НЕ ТОЛЬКО “НЕДОРОСЛЬ”

К 270-летию — из забытого и малоизвестного Дениса Фонвизина 18 сюжетов в 3-х разделах с приобщением к жизни студента, поэта, соавтора первой Конституции (запрещенной), дипломата, путешественника и знакомого Ломоносова и Вольтера, любимца Пушкина, с неустаревающими наставлениями для власть имущих.*

Что ты из Фонвизина делаешь “нехриста”. Он из перерусских русский.

А. Пушкин

В том государстве, где писатели наслаждаются дарованной нам свободой, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих Отечеству.

Д. Фонвизин

Вопрос к читателям: имя Д. И. Фонвизина нынче на слуху ли — на державных трибунах и на радио, на виду ли — на ТВ и в театрах? Ответ один: нет!

ТВОРЕЦ

1. Как великий Поэт возобновлял память о великом Сатирике

1830-й. Первый номер “Литературной газеты” творился Александром Пушкиным вместе с издателем Антоном Дельвигом. Выделю: они обнародовали отклик на собрание сочинений Дениса Фонвизина. Племянник сатирика

* Этот мой просветительский очерк рождён тремя обстоятельствами. 1. Моя домашняя библиотека хранит с датой 1866 года “Сочинения, письма и переводы” Дениса Фонвизина и факсимильный вариант “Литературной газеты” 1830 года. Вот и одарили ценнейшими фактами. 2. Увы, недостало должного внимания книге “Фонвизин” М. Люстрова (2013, серия “ЖЗЛ”). 3. Без отклика у владельцев СМИ остался мой фельетон “Сатира. Плач по кончине жанра” (“Журналист”. 2014, № 7).

отмечал издательскую неряшливость, однако использовал газету, чтобы оповестить: готовится новое издание со множеством ещё не опубликованного.

Итак, два корифея напомнили обществу о том, кто родился 86 лет тому назад, да и скончался уж 40 лет как (3 апреля 1745 – 1 декабря 1792). Сколько же воды утекло в пучину забвения!

Но Пушкин был твёрдо уверен: надо приобщать новые поколения сограждан к творчеству и биографии Фонвизина. На власть не надеясь, он в своих 13-ти номерах – пока Дельвиг был в отъезде – напечатал 10(!) фонвизинских материалов: его сочинения или о нём.

Начал с того, что уговорил друга П. Вяземского написать для номера 2 очерк “Введение къ жизнеописанию Фон-Визина” (завершится в следующем). И вот с чего он начинался: “История литературы народа должна быть вместе историею и его общежитием...” И перечислил выдающихся творцов с явной целью утвердить Фонвизина в их ряду: Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский и – Пушкин.

Выделил неуходящую злободневность его сатиры: “Главные творения его имели много успеха в своё время... не утратили и ныне ходячей цены и сохранились в народном обращении”.

Но и сожаления, увы, надо повторять и повторять даже в XXI столетии: “В обществе не дознался я отголоска Фонвизина... наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощённая суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего”.

Новый номер. Подписчики внимали не только концовке очерка Вяземского, но и самому Фонвизину. Шёл впервые напечатанный “Разговор у княгини Халдиной” при сноске “Изъ третьей части Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина”. Даже по трём извлечениям очевидно, что был он смел и выразителен!

– Ну, Сорванцов, голубчик! твоё честолюбие выходило из меры. Ты хотел из капитанов быть вдруг бригадирского чина. Я недавно читала Римскую Историю, и нахожу, что твоё честолюбие есть Катилининское. Берегись, Сорванцов, чтобы и тебя не постиг какой-нибудь бедственный конец!”

– Теперь я накануне быть статским... Да и в Москву, в которой первые визиты сделаю шестернею...” Это Сорванцов высказывает свои чиновные вождения.

– Он вселял в сердца наши ненависть к Отечеству, презрение ко всему русскому”. Это княгине открывают глаза на учителя-иностранца.

А каков ещё один диалог – истинно крамола по тем временам:

“Здравомысл: Я хотел бы только, чтобы в университетах наших преподавалась особенно политическая наука.

Сорванцов: Что вы чрез сию науку разумеете?

Здравомысл: Разумею науку, научающую нас правилам благочиния; науку коммерческую и науку о государственных доходах... Сим способом будет Россия иметь во всех частях гражданской службы людей годных и просвещённых...”

Ещё номер. Пушкин взялся за перо сам! И дал отпор газете “Северная пчела” своего заклятого идейного врага Фаддея Булгарина. Она посмела утверждать, что в России “нет литературы”! И что в ответ? Сожаления, что замалчивается не только Фонвизин, но и Ломоносов, и Державин.

7-й номер. И снова от Пушкина напоминания: “Пожалеть неволью, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы”.

8-й номер – ещё одна статья Пушкина. И снова хвала сатире: “От Фонвизина до Грибоедова не имели ни одного истинного комического таланта”. А далее вполне современная критика тогдашних “комических писателей”: “Низок язык их... богаты неприличностями... грубы их фарсы...”

10-й номер. Газета развенчивает клевету Булгарина: не Фонвизин-де автор “Разговора...” Даны ссылки на черновики и свидетельства наследников.

Пушкин и далее продолжал читать сатирика. Вот напоминает он читателю в “Онегине” – *энциклопедии русской жизни!* – про Простаковых и Скотининых и провозглашает “Сатиры смелый властелин, блистал Фонвизин – друг свободы”. Вот статья “О русской истории XVIII века”, в коей недобрым словом помянута Екатерина к сатире: “Любила просвещение, а Новиков... перешёл из рук Шешковского (палач. – В. О.) в темницу... Радищев

был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и **Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность**” (выделено мною. — В. О.)”. Вот Пушкин провозгласил, что “Недоросль” — “единственный памятник народной сатиры”. Вяземскому запомнилось, как Пушкин читал наизусть отрывки из “Искусства брать взятки” и всё приговаривал: “Много перца, соли и веселья”. Какая же на все времена чёткая формула сатиры, была бы только желанна, постижима и достижима!

Из высказываний особого смысла. Дельвиг. Он, возвратившись в газету, не забывал Фонвизина. Три замечки дал, одна их них с характерным заголовком: “Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушки в потомстве”.

2. Что вынес из детства?

В записках и письмах Фонвизина то и дело о том, кто и что уже с детства формировало его характер. Тут к месту сказать: я вовсе не зря избрал для эпиграфа слова Пушкина: “Он из перерусских русский”.

Лыком в пушкинскую строку даже такие две строчки из записок самого Фонвизина — будто бы так себе, а характерны:

“Нашей деревни мужик Фёдор Суратов сказывал нам сказки”;

“Был я в маскараде. Сперва танцевали обыкновенно, а потом чрезвычайно, то есть плясали по-русски, и можно сказать, что плясали хорошо”. И это-то в те чопорные времена!

...Семья. Строки об отце: “Был (он) человек большого здравого рассудка... Ненавидел лихоимства и, быв в таких местах, где люди наживаются, никаких никогда подарков не принимал. “Государь мой! — говаривал он приносителям. — Сахарная голова несть резон для обвинения вашего соперника; извольте её отнести обратно, а принесите законное доказательство вашего права...” Или: “Я наследовал от отца моего как вспыльчивость, так и непамятозлобие”.

Чтил родителей. Вот пример нескольких строк из письма — непосредственных и нежных, а ведь ему уже 19 лет: “Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! Почта уже пришла и пакет распечатан, только сказали мне, что писем нет. Я не знаю, что могло быть тому причиной, о том очень тужу. Дай Бог, чтоб завтра, по ямской получа, я мог обрадоваться. Затем иного донести не имею, как только то, что я, слава Богу, здоров”.

Сестра и брат тоже были близки ему. Читаем письмо сестре: “Пиши стихи чаще; присылай ко мне; делай эклоги, элегии. Если только можешь, переводи. Мысли прекрасны, изображение очень хорошо и непринуждённо, и версификация везде почти чиста; только вперёд остерегаться надобно, чтоб рифмы не все были глаголы, а иногда имена, наречия и проч.”

О талантах брата Фонвизина известно благодаря Николаю Новикову, тому, кто оставил свой след в истории как издатель, сатирик и в результате — жертва гнева императрицы. Он увековечил в своём “Историческом словаре о российских писателях” брата Фонвизина: “Изрядные стихотворения напечатаны”. Добавлю: он в чине действительного статского советника был директором университета в Москве.

Осталась из отрочества и такая примета отношения к крепостничеству: “Увидел я лежащего человека, мужика. Обнажённая спина его, из которой текла кровь, показывала, что он был бит немилосердно. Я призвал хозяина и спросил, за что сей человек так растерзан...”

Я: Что же ты хочешь делать? Станешь ли искать правосудия?

Хозяин: Не стану, ибо, конечно, не найду. Помещик, у которого мужик бил моего, есть барон богатый, а я пономарь бедный: где мне с ним тягаться?”

... Ясное дело, что такое детство и отрочество во впечатлительной душе не могли не аукнуться в зрелом творчестве. Его сочинения щедро подпитаны народным озорством. Каков же предшественник у Пушкина, Ершова, Грибоедова и Гоголя! Напомню кое-что.

Прозвища. “Недоросль” оставил потомкам взрывчатку имён: скотинины, вральманы. Но и в других комедиях: князь Слабоумов, графиня Самодурова,

помещик Дурыкин... А портняжка Тришка с куцым кафтаном, от которого Крылов повёл своё бессмертное, истинно крылатое присловье “Тришкин кафтан”...

Народные речения. “Недоросль”: “Что ты, дядюшка, белены объелся?”; “Я те бельмы-то выцарапаю”, “Да отвяжись, матушка”; “Без вины виноват”; “Накостылять” или “Я хотел бы знать, есть ли на свете учёный лоб, который бы от такого тумака не развалился; а вот дядя, вечная ему память, протрезвись, спросил только: целы ли ворота”. И ещё, ещё, ещё... И вспомни то, что стало поговорками, ну, хотя бы: “Не хочу учиться, хочу жениться”!

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Нынче попалась мне на язык русская песня, которая с ума нейдёт: Из-за лесу, лесу тёмного...”

3. Как рождался писатель

Фонвизин сам немалое увековечил из начал своей творческой биографии. Жаль, что нынче это мало кому известно.

“В университете (Московском. – **В. О.**) был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей”, – пишет он о Хольберге, которого называли датским Мольером.

Разохотился. Взялся за роман француза Терассона “Героическая добродетель или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая”. Потом пересказал библейскую легенду о Иосифе: “Я время моё провожу здесь весьма полезно... перевёл Иосифа, за которого возьму 200 руб.” Затем такое признание: “Прочитал новую трагедию французскую “Троянки”. Слёзы ещё и теперь видны на глазах моих. Гекуба, лишающаяся детей своих, возмутила дух мой. Поликсена, её дочь, умирая на гробе Ахиллесовом, поразила жалостью сердце моё; а отчаяние Кассандры извлекло неволею из глаз моих слёзы”.

Когда же впервые появилось имя Фонвизина для читающей публики? В 1761-м, в журнале прославленного мэтра, стихотворца и драматурга Михаила Хераскова – с одним из переводов.

Теперь свидетельства о том, как рождался драматург: “Показалась мне годною одна девушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имела мать, которую ближние и дальние, словом, целая Москва признала и огласила набитою дурую... Из всего моего приключения родилась роль Бригадирши”. Или: “Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным”.

Тем не менее, так выразился – сатирически – о своих первых опытах сам Фонвизин: “Были сатирические соли, но рассудка, так сказать, ни капли”.

Оставил в своих записях он и неосуществлённую мечту: учредить свой журнал. Выразил он её в трёх строках, однако наивыразительнейших: “Дружественных людей или Стародум. Периодическое сочинение, посвящённое истине”. Вот заглавие, под которым издаваться будет на сей 1788 год новое периодическое издание”.

Из высказываний особого смысла. Николай Новиков. Он так оценил первые шаги Фонвизина в изящной словесности: “Свидетельствуют остроты его разума и тонкость его сатир... Она точно о наших нравах, характеры выдержаны хорошо, а завязка самая простая и естественная... Россия надеется увидеть в нём хорошего писателя...”

4. Как обогащал он себя наставлениями современников

Встречи с великими... Начались со студенчества.

Михаил Ломоносов. “Тогдашний наш директор вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета (графу Шувалову. – **В. О.**).

Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, ко-

того вид обратил на себя моё почтительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? “По-латыни”, — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием”.

Фёдор Волков, основатель русского театра. “Ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр... Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедиянты вхожи в дом дядюшки моего. И действительно, через некоторое время познакомился я тут с Фёдором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным”.

Екатерина II. “Я приехал в Петербург и привёз “Бригадира” и “Иосифа”. Надобно приметить, что я обе сии книги читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание... графа Григория Григорьевича Орлова (фаворита царицы. — **В. О.**), который не преминул донести о том государыне.

На бале граф подошёл ко мне: “Её Величество приказала после бала вам быть к себе, и вы с комедией извольте идти в Эрмитаж”. И действительно, я нашёл Её Величество готовой слушать моё чтение. Взор российской благотворительницы и глас её, идущий к сердцу, ободрил меня”.

Из высказываний особого смысла. Фонвизин о таланте соотечественников: “Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны”.

5. Увлечение поэзией

Многие ли знают о том, что я обозначил в заголовке? Сохранились пять стихотворений Фонвизина. Познакомимся по возможностям журнала хотя бы с двумя. Так даже в них видны блёстки истинного таланта!

К УМУ МОЕМУ

*К тебе, о разум мой! я слово обращаю;
Я более тебя уже не защищаю.
Хоть в свете больше всех я сам себя люблю,
Но склонностей твоих я больше не терплю.
К чему ты глупости людские примечаешь?
Иль ты исправить их собой предпринимаешь?
Но лъзя ль успеху быть в намеренье таком?
Останется дурак навеки дураком.
Скажи, какие ты к тому имеешь правы,
Чтоб прочих исправлять и разумы, и нравы?
Все склонности твои прилежно разобрав,
Увидел ясно я, что ты и сам неправ.
Ты хочешь здешние обычаи исправить;
Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять ты их в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они,
Когда без твоего полезного совета
Возами их везут со всех пределов света.
Отвсюду сей товар без пошлины идёт,
И прибыли казни ни малой не даёт.
Когда бы с дураков здесь пошлина сходила,
Одна бы Франция казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралось бы в год!
Таможенный бы сбор был первый здесь доход!
Но видно, мы за то с них пошлин не собираем,
Что сами сей товар к французам отправляем.
Казалось бы, что сей взаимный договор
Французам доставлял такой же малый сбор;
Но нет: у нас о том совсем не помышляют,*

*Что подати там с нас другие собирают.
Во Франции тариф известен нам каков:
Чтоб быть французскими из русских дураков!*

ЭПИГРАММА

*О Клим! дела твои велики!
Но кто хвалил тебя? Родня и два заики.*

6. Мастер-класс – нестареющий...

Вот бы в приёмных союзов писателей и в аудиториях Литературного института появились плакатики с речениями сатирика-мэтра. Замечу, что он знал себе цену, ибо в одном из писем вывел: “Весь Петербург наполнен моей комедией (“Бригадир”. – В. О.), из которой многие острые слова употребляются уже в беседах”. Итак, Фонвизин озаботился стать полезным новым поколениям пишущих. Далее несколько образцов тому.

“Лучше хочу быть не читан, чем скучен”, “Перо моё никогда не было и не будет омочено ни ядом лести, ни желчью злобы”, “Не тот писатель хорош, кто пишет беспрестанно, но тот, кто пишет всегда хорошо. Неужели многословие составляет изобилие языка?”, “Сыскали мне лекаря, который пустил мне тотчас кровь поискуснее самого филолога (о критиках. – В. О.)”.

Ещё и красноречивая, и убедительная подборка: “Не уклони сердца моего в словеса лукавствия и сохрани мне любовь к истине, уже вселил еси в душу мою”, “Счастлив, кто по старости сохраняет все свои чувства”, “Дурная музыка и всякое дурное действие производят на нас неприятное ощущение”, “Нельзя иметь понятия о вещи, если не обратишь к ней мыслей своих”.

Замечу и выделю: он совершенствовал “Недоросля” почти 20 лет. Каков урок для литераторов всех времён!

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и Отечества”.

7. Извлечения из напрасно забытого

Даже в забытых ныне сочинениях – мол, не ровня “Недорослю”! – то и дело блёстки, они и поныне, как я уверовал, вызовут изумление гражданской отвагой.

Из сатиры “Письмо по блаженной кончине Надворного Советника Взяткина к покойному Его Превосходительству”:

“Милостивый Государь и второй отец! Советник Криводушин, находящийся в известном наместничестве, просит сильного рекомендательного письма Вашего Превосходительства, дабы он употреблён был при рекрутских наборах; и если, как надеяться должно, будет он удостоен сей весьма важной для поправления дел его комиссии, то в каждый таковой благополучный год Ваше Превосходительство наверное благоволите считать от него по 1500 руб.”

Что же в ответ? “Рекомендательное письмо к NN об употреблении советника Криводушина к рекрутским наборам охотно при сём прилагаю; а при том прошу внушить ему якобы от себя, чтобы не сильно налегал на помещицких, а прижимал бы плотно тех, за которых некому вступиться”.

Из сатиры “Поучение, говоренное в Духов День иереем Василием в селе П.”:

“Сегодня Духов День и также большой у Бога праздник... Отчего же, например, ты, крестьянин Сидор Прокофьевич, пришёл к обедне, может быть, и с умилённым сердцем, но с разбитым рылом? Отчего и ты, выборный Козьма Терентьев, стоишь, выпуча на святых иконы такие красные и мутные глаза? Да посмотрим и на жену твою, Евдокею, отчего она теперь всю обедню продремала? О, духовные мои дети!..

О горе окаянству вашему!..

Поверьте, дети мои, что главный корень всякого зла в крестьянстве есть вино...

Не в том дело, пил ли ты; да в том, сколько ты пил”.

Из сатиры “Письма Стародума”: “Он влюблён, и в кого? В презренную женщину, каковые наполняют здешние вольные маскарады, будучи осыпаны брильянтами, соблазняют молодых людей”.

Из комедии “Выбор гувернёра”: “Необходимо надобно, чтоб одна часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала”.

Из комедии “Корион”: “Кто к общей пользе все старанья приложил // И к славе своего Отечества служил, // Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое... // Обманом, хитростью и лестью полон свет; // Убежища от них нигде нам больше нет”.

Из повести “Каллисфен”: “При дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, может ли истина свободно изъясняться?”

Из “Послания к слугам моим”: “И всякий, чтоб набить потуже свой карман, // за благо рассудил приняться за обман”.

Из незавершенной комедии: “Прочтёшь книжку, — кажется, диковинка; прочтёшь другую — ан, то же написано, только другими словами”.

Из высказываний особого смысла. Гоголь. Он, кстати, дебютировал именно в “Литературной газете”, тоже почитал сатирика. Фонвизин стал персонажем “Ночи перед рождеством”: “Средних лет человек с полным, несколько бледным лицом”. Ему выпала доля заявить царице в присутствии заporожцев: “Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена” (прославленного французского сатирика. — В. О.). А в ответ высочайшая похвала: “По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего “Бригадира””.

8. Как уходил он из жизни

Писатель-сатирик Иван Дмитриев запечатлел кое-что из последнего дня своего великого современника: “Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными из Шкловского кадетского корпуса и приехавшими с ним из Белоруссии (где было расположено имение Фонвизина. — В. О.). Уже он не мог владеть одною рукою; равно и одна нога одеревенела: обе поражены были параличом; говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким, но большие глаза его быстро сверкали...”

Сказал хозяину, что он привёз ему свою комедию “Гофмейстер” (известную под названием “Выбор гувернёра”. — В. О.). Хозяин и хозяйка изъявили желание выслушать эту новость. Он подал знак одному из своих вожатых. Тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киванием головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии духа...

Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе”.

Это произошло 1 декабря 1792 года. Смерти предшествовали 8 лет жизни в параличе. Похоронен Фонвизин в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. Детей у него не было. Вдова, как запомнилось мемуаристу, “осталась в положении довольно бедственном”.

Горькая статистика: после 1917 года собрание сочинений Фонвизина вышло всего-то один раз, в 1959-м, да и только в 2-х томах.

ПОЛИТИК

1. Соавтор первой Конституции

Именно так, как обозначено заголовком, расценивают историки “Рассуждения о неперемennых государственных законах”.

Они были разработаны Фонвизиним в 1783-м году в соавторстве с Н. И. Паниным, главой Коллегии иностранных дел, и были первыми в Рос-

сии. Вторая попытка создать Конституцию принадлежала декабристам – спустя десятилетия.

Не может не порадовать, к примеру, такое вот чётко-чеканное установление: “Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных”.

Откуда такие побуждения у сатирика? Надо знать: он был значительным для России государственным деятелем. Отсюда весьма широкий спектр политических и чиновных забот и увлечений. Началось же с того, что после университета он обрёл звание “переводчик капитан-поручьего чина”. Затем работа “при кабинет-министре у принятия челобитен” (при известном у историков И. П. Елагине, вельможе, приближенном к двору). В Словаре Н. Новикова значилось: “Надворный советник при государственной Коллегии Иностранных дел”.

Замечу и выделю: Фонвизин перевёл для политиков книгу швейцарца И. Г. Циммермана “Рассуждения о национальном любочестии”, трактат француза Куайе “Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество?”, “Слово, похвальное Марку Аврелию”, кое-что другое. Он также собирался переводить историка Тацита, да царица не разрешила: тираноборец!

2. Правителям, фаворитам, судьям и цензорам

В наследии Фонвизина истинно россыпи увещеваний тем, кто власть имел. Стоит кое-что припомнить.

“Люби россиян. И Царь, и раб равно судимы бывают... Будь правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей... Будь властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собою владеть не может...”

“Если он (фаворит правителя. – **В. О.**) нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбивец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщей, все сии пороки развиваются и заражают двор и государство”.

“Размножение типографий послужит не только распространению знаний человеческих, но и к подкреплению правосудия... Многие постыдятся делать то, что делать не страшатся... Всякое дело, содержащее в себе судьбу имения, чести и жизни гражданина, купно с решениями судивших, может быть известно всей беспристрастной публике; воздаётся достойная хвала праведным судьям; возгнушаются честные сердца неправдою судей бессовестных и алчных”.

“Есть и нынче особы, стремящиеся угнетать дарования и препятствующие выходить всему тому, что невежество и порок обличает; но таковое немощной злобы усилие, кроме смеха, ничего другого ныне произвести не может”.

3. Он и царица: вопросы и ответы

В 1783 году в журнале “Собеседник” появились “Вопросы Фонвизина” и ответы от “Сочинителя “Былей” и “Небылиц”. То была сфантазированная беседа с Екатериной.

Рисковая затея! Однако же факт не столько истории литературы, но – шире – политической жизни! Например, “Царица однажды воскликнула – обиженно: “Худо мне жить приходится; уж и господин Фонвизин хочет учить меня”.

Чем же был наполнено воображаемое собеседование? Далее несколько извлечений.

“Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми? Оттого, что на суде не изблечены”.

“Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться? Оттого, что сие не есть дело всякого”.

“Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные Отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего духовного почтения? Оттого, что всякий любит и почитает лишь себе подобных, а не общественные и особенные добродетели”.

“В чём состоит наш национальный характер? В остром и скором понятии всего, образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных”.

Под пером сатирика некоторые вопросы становились для читателя более значимыми, чем сами ответы:

“Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверзто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?”

“Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?”

“Отчего у нас не стыдно не делать ничего? Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?”

4. Тем, кто у трона

Напомню, что Фонвизин создал особого сатирического склада “Всеобщую придворную грамматику”.

Прелюбопытен приём автора, которым он хочет отвести внимание цензуры: “Предуведомление. Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии”. Далее я перепечатаю несколько извлечений.

“Вопр.: Что есть Придворная Грамматика?”

Отв.: Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языками и пером.

Вопр.: Что значить хитро льстить?

Отв.: Значить говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр.: Что есть придворная ложь?

Отв.: Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр.: Какие же суть подлые души?

Отв.: Те, которые презрительным притворством обманывают публику: вне двора кажутся Катонами; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твёрдостью стерегут целость Отечества и несчастных избавляют от погибели, но, переступая чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестью, кого ругал за полчаса пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости Отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить Отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр.: Что есть придворный падеж?

Отв.: Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бесильных – к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в винительном падеже; снискают же расположение и покровительство обыкновенно падежом дательным”.

5. “Опыт российского Словника” – суд над тиранами

Фонвизин по высокому авторитету своему был приглашён оценить проект одного важного, по мнению Академии наук, словаря. Огромной получилась у него рецензия – 6 страниц. Одно положение выделяется:

“Я желал бы, например, чтоб в словаре нашем было истолковано, что имя Нерон заключает в себе идею лютого тирана, Тит – государя милосердного, Сарданапал – тирана сладострастного; что Зоилом именуется злобный и презрительный критик; что имя Катилина сделалось титулом высокомерного врага Отечеству. Сим образом потомство судит деяния своих предков. Таковой суд есть достойное возмездие порока, достойная награда добродетели...”

Но Фонвизин не ограничился только отзывом. Он предложил обогатить словарь, и сам же вызвался определить, чем его пополнять. Пять с лишним страниц ёмкого шрифта составил этот необычный труд Фонвизина, который читается, как свод державных установлений, главное из которых – жить праведно. Далее несколько извлечений.

“Обманывать, проманивать, проводить. Все эти слова значат ложь представлять истину... Кто не любит истины, тот часто обманут бывает. Проманивать есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно проводят челобитчиков”.

“Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь. В нужде помогают; в труде пособляют; в недостатке вспомоществуют; для обороны дают помощь. Сострадание велит помогать бедным; великодушие влечёт пособлять бессильным... Человечество заставляет подавать помощь беззащитным”.

“Беспорочность, добродетель, честь. <...> Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. Добродетель распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе, нежели добродетель. Первая может происходить и от страха наказания, но последняя есть великодушное стремление человека жертвовать другому своим благосостоянием... Беспорочность бедного есть уже добродетель; а добродетель богатого есть только что беспорочность. Сверх сих качеств, должствующих руководствоваться нашими делами, есть третье, весьма достойное внимания: честь...”

“Писец, писатель, сочинитель, творец. Говорят: писец исправный, писатель древний или новый, сочинитель знаменитый, творец славный. У нас в древности писцов было мало: из них отличался Нестор, писатель Российской Истории. Между сочинителями нынешнего века славен Ломоносов, творец лучших од на российском языке”.

“Животные, скот. Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом”.

Разве не эти установления Фонвизина – выдающийся манифест всех времён и для всех народов? Поистине, Конституция Морали и Нравственности!

6. Жизнь дипломата в том числе с “Крымским вопросом”

Давнее собрание сочинений Фонвизина – как же заботливы были издатели в позапрошлом веке! – дополняет его биографию наиважными фактами: сопричастностью к внешней политике великой державы. Читаем же хотя бы такие свидетельства.

“В 1762 году, по счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер (А. М. Голицын. – **В. О.**) взял меня в иностранную коллегию переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен.

В тот же год послан я был с екатерининскою лентою к покойной герцогине Мекленбург-Шверинской. Мне велено было заехать в Гамбург, откуда министр наш повёз меня сам в Шверин. Тогда был я ещё сущий ребёнок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою”.

“В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался недолго. Один кабинет-министр имел надобность взять кого-нибудь из коллегии; а как по “Альзирии” (переведённая Фонвизиним пьеса Вольтера. – **В. О.**) моей замечен был я с хорошей стороны, то именным указом велено мне было быть при том кабинет-министре”.

1764: “Вчера был я на церемонии и в чёрном кафтане. Польский приехавший ныне посланник имел первую визитацию у вице-канцлера, и мне на крыльцо осталось его встретить, а потом остаться разговаривать с его свитою... Я теперь в превеликой работе: пишу письма в Голландию”.

1772: “Пребывающий здесь прусский министр получил от короля, своего государя, депешу, из которой выписку здесь, в переводе, приложить имею честь. Ваше сиятельство изволит усмотреть из оной, что отторжение Крыма

подвержено великому затруднению; но мы уже далеко вошли в сие дело, и я не чаю, чтобы наш двор согласился бросить предпринятое толь твёрдо намерение в рассуждении татарской независимости. . .”

Тот же год — Польша: “Донести могу, что вчера из Царского Села Её Величество изволила прибыть сюда в совет, где трактовано было о распоряжениях, касающейся нашей доли из Польши. И вот что, в крайнем секрете, в мире положено. . .” (Речь о 1-м разделе Польши. Есть предположения, что Фонвизин был против. — В. О.)

Были в письмах Фонвизина и такие рассуждения — он поделился ими с дипломатом А. М. Обрезковым: “Для истинного блага Отечества нашего мир нужен”.

Саму по себе чиновную службу не особенно-то и жаловал. Писал в 1773-м: “В коллегии у нас такой недостаток, что ни один министр за прошлый год не получил своего жалованья. . . Развращённость здешнюю описывать излишне. Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпчих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят”.

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Вселенная обратила с удивлением на Россию свои очи, когда слава побед наших гремела во всех пределах Света, когда потомки Чингисханов, сих древних утеснителей России, и победителей Света, подъявля к Екатерине длани свои, отвращали очи и сердца от гордого врага. . .”

7. Что принял и что отверг он в странствиях по Европе

До сих пор с интересом читаются его письма из-за границы. Они складываются в своеобразный дневник путешественника. Несколько примеров тому.

Россия и Запад — оценки: “Я увидел, что во всякой земли худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки, что дураков везде изобильно, и словом, что наша нация не хуже ни которой”.

Строки о Франции. Невежество: “Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай; но ошибся жестоко. Какие здесь невежды! Дворянство, особливо, ни уха, ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным”.

О нравах: “Я моральной жизнью парижских французов очень недоволен. Сколь идей Отечества и короля здесь твёрдо укоренены, столь много изгнано из сердца сострадания к своему ближнему”.

Вольтер и академики Франции. “Я видел уже три раза Вольтера (Париж, 1778. — В. О.). Из всех учёных удивил меня д'Аламберт (Жак Л. д'Аламбер, просветитель. — В. О.). Я воображал лицо важное, почтенное, а нашёл премерзкую фигуру и преподленькую физиономию. Обещают мне здешние учёные показать Руссо, и как скоро его увижу, то могу сказать, что видел всех мудрых века сего”.

Позавидовал: “Устройство здешних бань отменно хорошо. Для каждого особливо комнатка с ванной. Вода проведена машиною к стене, к которой прикреплена ванна. У стены подле ванны два крана. Повернув один, пустишь воду тёплую, повернув другой — холодную”.

О театре: “Французская комедия совершенно хороша, а трагедию нашёл я гораздо хуже, чем воображал. . . При мне играли новую Вольтерову пьесу, которая принята была с восхищением. Меня было оглушило от битья в ладоши”.

Замечу: русский писатель был во Франции не просто замечен, но и отмечен. В письме рассказывал: “Сегодня открылось в Париже собрание, называемое Le rendez-vous de la Republique lettres et des arts (Академия литературы и искусств. — В. О.). Господа учёные почтили меня приглашением. Они хотят иметь меня своим корреспондентом. . . Сам директор сего собрания у меня был и комплиментам конца не было”.

Строки о других странах. Из Ватикана: “Сравнивая папскую службу с нашей архиерейской, нахожу нашу несравненно почтеннее и величественнее. Здешняя слишком театральна”. **Из светского Рима:** “Банкиры здесь почти все маркизы и, не взирая на то, что разбогатели, не пропускают ни малейшего случая обманывать”.

Из Лондона: “Хороши и англичане. Заехав в чужую землю... презирают жителей в глаза и смеются над ними”.

Строки о западных искусствах. О музыке: “Был канун праздника Св. Петрония. Мы были у вечерни в церкви сего святого, которая есть одна из величайших в Италии. Музыка была огромная... Ездили мы к славному во всей Европе органисту Штейну” (Германия. — В. О.).

О живописи: “Были мы в ратуше (Нюрнберг. — В. О.), украшенной картинами Альбрехта Дюрера... Успели сбежать в Георгиевский монастырь (Модена, Италия. — В. О.), насладиться в последний раз зрением картин Павла Веронеза... Показали мне манускрипты XV и XVI столетий. Библия, молитвенник и Данте меня удивили. На полях каждого листа миниатюры прекрасные и колорит такой яркий, как будто бы сегодня писаны... Прекрасная Рафаэлева Богородица. Этот образ имеет в себе нечто божественное. Жена моя от неё без ума. Она отстаивала перед ним по получасу, не спуская глаз, и не только купила копию с него масляными красками, но и заказала миниатюру и рисунок. Надобно видеть Ротонду, Музеум Капитольный, столпы, Музеум Ватиканский и проч., чтобы решительно назвать нынешних художников ребятишками в сравнении с древними (речь идёт о Риме. — В. О.)”.

О науках: “Я начал слушать курс экспериментальной физики у Бриксона”.

Из высказываний особого смысла. Историк В. О. Ключевский: “Возникло скептическое отношение к Западу. Лучшим выражением этого явились письма Фонвизина из-за границы”.

* * *

Не зря я напросился с этими фонвизинскими материалами в авторитетный журнал. Вдруг придёт откликом желание власти и общественности:

- **создать Всероссийское Общество памяти великих русских сатириков;**
- **установить памятник Фонвизину в Москве;**
- **выделить грант на издание его академического собрания сочинений;**
- **учредить всероссийский конкурс на лучшую сатирическую публикацию в СМИ и литературную премию имени Д. Фонвизина за театральную сатиру.**